С КРЕСТОМ И МЕЧОМ

НАДТОЧИЙ В. Д.

ОРДЕН МЕЧЕНОСЦЕВ

КРЕСТ, МЕЧ И БОРЬБА ЗА ВОСТОЧНУЮ БАЛТИКУ

18+

Владислав Надточий

Орден меченосцев. Крест, меч и борьба за Восточную Балтику. С крестом и мечом.

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Орден меченосцев. Крест, меч и борьба за Восточную Балтику. С крестом и мечом. / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Кто они — защитники веры или завоеватели, изменившие судьбу целых народов? Почему рыцари, подчинившие обширные земли Восточной Балтики, не смогли сохранить собственный орден? И какое поражение навсегда изменило историю Северной Европы?Начало XIII века. На берегах Балтики сталкиваются интересы крестоносцев, русских княжеств, датских королей и местных племён. Среди войн, политических интриг и борьбы за власть рождается Орден меченосцев — военное братство, которому предстоит стать одной из самых грозных сил региона.От основания Риги и кровопролитных походов до ожесточённых осад, противостояния с Новгородом и Псковом и катастрофы при Сауле — перед читателем разворачивается история стремительного возвышения и трагического падения рыцарского ордена.На основе средневековых хроник и исторических документов автор раскрывает подлинную историю меченосцев — без романтических легенд и привычных мифов.

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Восточная Балтика накануне появления меченосцев 7
Глава вторая. Миссионеры, купцы и начало крестовых походов 10
Глава третья. Основание Ордена меченосцев и его первые годы 13
Глава четвёртая. Устройство ордена, устав и повседневная жизнь братьев-рыцарей 16
Глава пятая. Покорение Ливонии и борьба за земли 18
Глава шестая. Эстонские походы и датское соперничество 21
Глава седьмая. Меченосцы, Полоцк, Псков и Новгород 24
Глава восьмая. Экономика завоевания и управление территориями 27
Глава девятая. Конфликты с епископами и папским престолом 29
Глава десятая. Битва при Сауле 1236 года 32
Глава одиннадцатая. Объединение с Тевтонским орденом в 1237 году 34
Глава двенадцатая. После меченосцев: наследие завоевания и историческая память 36
Глава тринадцатая. Орден на войне и в повседневной жизни 38
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Владислав Надточий
Орден меченосцев. Крест, меч и борьба за Восточную Балтику. С крестом и мечом.

С КРЕСТОМ И МЕЧОМ

Надточий В. Д.

ОРДЕН МЕЧЕНОСЦЕВ

Крест, меч и борьба за Восточную Балтику

В начале XIII века на восточных берегах Балтийского моря возникло военно-религиозное объединение, которому было суждено за три с половиной десятилетия изменить политическую карту целого региона. Оно получило название Ордена меченосцев.

Орден существовал как самостоятельная организация сравнительно недолго: его основание традиционно относят к 1202 году, а прекращение самостоятельного существования — к 1237 году. Историческое значение меченосцев определяется не продолжительностью их деятельности, а масштабом перемен, произошедших за это время.

На протяжении нескольких десятилетий военные экспедиции, строительство крепостей, деятельность католических миссионеров и соперничество за торговые пути постепенно преобразовывали Восточную Балтику. На землях, где прежде существовали разнообразные формы племенной и княжеской власти, складывались новые политические образования, тесно связанные с латинской Европой.

В деятельности меченосцев соединились военные, церковные и хозяйственные интересы. Сравнительно небольшое братство приобрело влияние благодаря постоянному военному присутствию, союзам с церковными властями и контролю над опорными пунктами. Однако расширение владений порождало споры о земле, доходах и полномочиях. Поэтому история ордена рассматривается через походы и сражения, а также через отношения с епископами, местными общинами, купцами и соседними правителями.

В средневековой Европе религиозная принадлежность имела духовное, а также политическое значение. Распространение христианства нередко сопровождалось установлением новых форм власти, изменением земельных отношений и включением территорий в международные торговые связи. В Восточной Балтике этот процесс приобрёл особенно сложный характер.

Здесь пересекались интересы немецких купцов, католических епископов, датской короны, русских княжеств и местных обществ — ливов, латгалов, эстов, земгалов, куршей и других народов.

Эти общества не составляли единого политического целого. Между ними существовали торговые связи и союзы, но возникали и конфликты. Поэтому сводить события к противостоянию пришельцев и местного населения было бы неверно.

Одни группы сопротивлялись вооружённому вторжению, другие искали поддержку у новых союзников, третьи стремились использовать изменившуюся обстановку для укрепления собственного положения. В этих условиях меченосцы выступали одновременно военной организацией, участником земельных споров и самостоятельной политической силой.

Показателен документ папы Иннокентия III от 19 октября 1211 года, подтвердивший соглашение рижского епископа с братьями рыцарства Христова. Он закреплял за братьями треть земель Ливонии и Леттии и предусматривал послушание магистра епископу. Само обращение к папскому престолу показывает, что распределение территорий и полномочий уже в первые годы существования ордена становилось предметом разногласий.

Отношения епископа и ордена не ограничивались подчинением: они вместе участвовали в походах, но спорили о владениях и доходах. Сочетание общих религиозных целей и соперничества за власть составляет одну из главных тем исследования.

Главный повествовательный источник ранней истории меченосцев — «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского. Её автор был современником многих событий и располагал сведениями о миссионерах, епископах и участниках походов. Однако он писал с позиции латинской миссии, и потому его оценки противников и описание военных действий нуждаются в сопоставлении с другими свидетельствами.

«Ливонская рифмованная хроника», созданная значительно позднее основания ордена, важна прежде всего для изучения завершающего периода его истории, битвы при Сауле и памяти об этом поражении. Папские документы раскрывают правовое положение братства, земельные споры и отношения с церковными учреждениями. Русские летописи и современные исследования помогают уточнить отдельные события, но различия между источниками не всегда могут быть устранены.

Если хроника умалчивает о событии, это ещё не доказывает, что его не было. Важно учитывать время создания текста, осведомлённость автора и его интересы. Установленные обстоятельства следует отделять от вероятных объяснений.

Глава первая. Восточная Балтика накануне появления меченосцев

В конце XII века Восточная Балтика представляла собой пространство многочисленных торговых путей, укреплённых поселений, речных переправ и политических союзов. Балтийское море соединяло этот регион со Скандинавией, германскими землями и другими областями Северной Европы. Реки, прежде всего Западная Двина, открывали пути в глубину континента. Именно реки во многом определяли расположение поселений, развитие торговли и направления военных походов.

Немецких купцов привлекали местные товары и торговые пути, миссионеров — возможность распространения христианства. Соседние правители стремились укрепить здесь своё политическое и экономическое положение.

Однако местное население не было пассивным участником этих процессов. Ливы, латгалы, эсты, земгалы и курши обладали собственными традициями, формами общественной организации и военным опытом. Они участвовали в торговле, строили укрепления, заключали соглашения и вели войны. Их политические отношения были подвижными. Союз, выгодный одной группе в определённый момент, мог стать нежелательным при изменении обстоятельств. Появление новых вооружённых сил не уничтожило эту сложность, а, напротив, сделало её ещё более заметной.

На современной карте восточное побережье Балтийского моря выглядит как ряд государств с определёнными границами. Для человека конца XII века пространство было устроено иначе. Важнейшими ориентирами служили реки, морские бухты, укреплённые поселения и места, где можно было обменять товары или получить защиту. Политическое влияние часто зависело не от непрерывной линии границы, а от контроля над переправой, пристанью, крепостью и окружающими поселениями.

Западная Двина, или Даугава, имела особое значение. По ней суда могли продвигаться от Балтики вглубь региона, а товары и люди перемещались между прибрежными поселениями и восточными землями. Это не означало, что весь путь находился под властью одного правителя. На разных участках действовали разные сообщества и политические силы, и потому торговля требовала переговоров, уплаты сборов и иногда вооружённого сопровождения.

Для купца речной путь был одновременно возможностью и риском. Успех зависел от сезона, состояния судна, отношений с местными жителями и безопасности товара. Для правителя контроль над таким путём обещал доходы и политическое влияние. Для миссионера та же дорога открывала доступ к поселениям, куда трудно было добраться по суше. Торговля, миссия и борьба за власть нередко следовали по одним маршрутам.

Первые книги «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского повествуют о путешествиях по Двине и контактах с местными общинами. Основное внимание хронист уделяет миссии и деятельности епископов, поэтому торговая жизнь отражена в его рассказе лишь отчасти.

Названия «ливы», «латгалы», «эсты», «земгалы» и «курши» встречаются в источниках как обозначения разных групп населения. Однако за каждым названием скрывалось множество общин, местных вождей, укреплённых поселений и традиций. Нельзя механически переносить на XIII век представления о современных национальных государствах. Не существовало ни единой политической организации всех эстов, ни общей власти, которая могла бы безусловно говорить от имени всех жителей Ливонии.

В долине Двины жили ливы и латгалы, южнее и западнее располагались земли земгалов и куршей, севернее — различные области эстов. Эта схема лишь помогает ориентироваться

на карте: границы расселения и сферы влияния менялись, а контакты между соседями были постоянными. Обмен товарами, браки, военные столкновения и совместные походы связывали общины гораздо теснее, чем может показаться при чтении хроник, сосредоточенных на конфликтах.

Укреплённые поселения играли роль местных центров. Их значение не сводилось к обороне: рядом с ними могли проходить торговые пути, собираться жители окрестностей, заключаться соглашения. Военные возможности таких обществ были неодинаковы. Одни могли выставлять значительные отряды, другие зависели от помощи соседей. Исход походов, следовательно, определялся не только числом прибывших рыцарей, но и составом местных союзов.

В «Хронике Ливонии» нередко описываются переговоры, обмен заложниками, крещение, отказ от ранее принятых обязательств и новые соглашения. Эти сообщения свидетельствуют о том, что местные жители сами участвовали в принятии решений. Одновременно язык хрониста отражает его религиозную позицию. Слова, которыми он характеризует противников миссии, нельзя без оговорок превращать в объективную характеристику целого народа.

Особое место в политической жизни бассейна Двины занимало Полоцкое княжество. Его интерес к западному направлению был связан с речными коммуникациями, торговлей и отношениями с зависимыми или союзными местными правителями. Приход латинских миссионеров и немецких купцов не происходил на пустом месте: здесь уже существовали контакты с восточнославянскими землями и формы политической зависимости.

Генрих Латвийский сообщает о переговорах епископа Мейнарда с полоцким князем перед началом проповеди среди ливов. Это свидетельство часто привлекают для объяснения первоначальных условий миссии. Однако важно различать разрешение на проповедь, признание определённых политических прав и последующие притязания на территорию. Разрешение на проповедь само по себе не означало признания территориальных притязаний.

Отношения с Полоцком впоследствии сопровождались как переговорами, так и столкновениями. Для истории меченосцев они важны потому, что орден действовал в регионе, где уже присутствовали другие христианские политические силы. Поэтому формула «христианство против язычества» не объясняет всех конфликтов: соперниками латинских участников походов могли оказаться и православные князья.

Западные повествовательные источники необходимо сопоставлять с русскими летописями, принимая во внимание различия в датировках, географических названиях и интересах составителей. Отсутствие события в одной летописной традиции ещё не опровергает свидетельства другой.

Орден меченосцев появился не в самом начале христианской миссии. Ему предшествовала деятельность епископа Мейнарда, связанная с Икшкиле на Двине, а затем епископа Бертольда. Уже тогда проповедь, строительство укреплений и отношения с местными общинами оказались тесно связаны.

Мейнард стремился закрепить миссию в регионе и использовал помощь приезжих мастеров при строительстве укреплений. В рассказе Генриха Латвийского история строительства связана с обещаниями местных жителей и последующими разногласиями. Этот эпизод важен для истории становления церковной организации и одновременно показывает: он показывает, насколько значимой была военная безопасность даже там, где первоначальная задача формулировалась как проповедь.

После смерти Мейнарда миссию возглавил Бертольд. Его деятельность сопровождалась вооружённым столкновением, в котором епископ погиб в 1198 году. Гибель Бертольда ускорила переход от отдельных миссионерских начинаний к постоянной военной поддержке миссии.

При епископе Альберте, прибывшем в регион на рубеже XII–XIII веков, эта поддержка приобрела более организованный характер. Основание Риги в 1201 году создало важный центр

церковной и торговой деятельности. В 1202 году возникло братство воинов, которое позднее получило широкую известность как Орден меченосцев. Его появление следует рассматривать как ответ на конкретные трудности удержания позиций, а не как заранее готовый план завоевания всей Восточной Балтики.

Генрих Латвийский уделяет основное внимание миссии, походам и крещению. Отсутствие в его хронике сведений о торговых сделках или местных политических отношениях само по себе не свидетельствует об отсутствии таких событий.

При сопоставлении сообщений о походах нужно учитывать осведомлённость автора и обстоятельства составления текста. Численность войск и потери нередко приводятся приблизительно, а речи участников представляют собой литературное изложение хрониста, а не стенограмму переговоров.

Описывая договорённости, известные лишь по рассказу одной стороны, следует разграничивать прямо засвидетельствованные условия и предположения исследователей.

Глава вторая. Миссионеры, купцы и начало крестовых походов

Когда в конце XII века на восточных берегах Балтики появились немецкие миссионеры, они не открывали неизвестную землю. Здесь давно существовали торговые связи, а население речных долин имело опыт общения с купцами и представителями соседних политических центров. Новым было стремление не просто приезжать, обмениваться товарами и возвращаться домой, а создать устойчивые церковные учреждения, которые действовали бы постоянно.

Разница между кратковременным посещением и постоянным присутствием принципиальна. Купец мог оценивать отношения с местными общинами по результатам отдельного путешествия. Епископу требовались жильё, храм, духовенство, источники содержания и возможность защитить имущество. Появление таких учреждений неизбежно затрагивало вопросы власти: кто разрешает строительство, кто отвечает за безопасность, кто получает доходы с земли и кому подчиняются новые христиане?

Впоследствии эти вопросы стали предметом тяжёлых конфликтов. Но на раннем этапе миссии их ещё нельзя свести к заранее определённой программе территориального завоевания. Источники описывают переговоры и соглашения, которые сменялись угрозами, вооружёнными столкновениями и новыми попытками примирения. В одних случаях церковные представители опирались на купцов, в других — на вооружённых паломников, а иногда искали признания у правителей, уже обладавших влиянием в регионе.

Особую роль играла сезонность морских путешествий. Доставка людей, продовольствия и строительных материалов зависела от навигации. Войско, прибывшее на ограниченное время, могло добиться военного успеха, но после его отплытия положение оставшихся миссионеров вновь становилось неустойчивым. Именно проблема непрерывной защиты помогает понять, почему идея постоянного рыцарского братства оказалась привлекательной для епископского окружения.

В ранней истории миссии важное место занимал Мейнард, принадлежавший к августинской традиции и действовавший в поселениях на Западной Двине. «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского представляет его как человека, который стремился обращать местных жителей посредством проповеди и соглашений. Однако рассказ хрониста не следует понимать как нейтральный отчёт о каждом разговоре: его повествование организовано вокруг успехов и испытаний христианской миссии.

Мейнард обосновался в Икшкиле — пункте, значение которого определялось положением на реке. Здесь религиозная деятельность была тесно связана с устройством укреплений. В изложении Генриха строительство каменных сооружений должно было предоставить местным жителям защиту от нападений и одновременно укрепить положение миссионеров. Важна сама логика предложения: безопасность обменивалась на определённые обязательства, в том числе религиозного характера.

Этот эпизод не даёт оснований считать, что все жители Икшкиле добровольно приняли соглашение и одинаково понимали его последствия. Хроника передаёт прежде всего позицию миссионерской стороны. Местные общины могли видеть в укреплении средство защиты, но не обязательно соглашались с теми политическими и церковными последствиями, которые предполагали приезжие. Различие ожиданий создавало почву для последующих конфликтов.

Деятельность Мейнарда важна ещё и тем, что позволяет отделить первоначальную миссию от позднейшей истории меченосцев. Орден появился уже после смерти епископа. Вооружённая корпорация не была исходной и неизбежной формой присутствия латинской церкви на

Двине. Она возникла в определённых обстоятельствах, когда прежние способы обеспечения безопасности оказались недостаточными.

Гибель епископа Бертольда в вооружённом столкновении в 1198 году известна по средневековым свидетельствам. Генрих Латвийский связывает её с необходимостью военной защиты миссии, однако его объяснение причин конфликта отражает позицию латинского духовенства и не раскрывает полностью мотивов местных участников.

Бертольд не создал орден меченосцев, но события его времени показали ограниченность временных военных экспедиций. Даже победа в одном столкновении не означала прочного контроля над речной долиной. После ухода основной массы воинов вновь возникал вопрос о том, кто будет защищать духовенство и новые церковные владения.

Следующий этап связан с епископом Альбертом. При нём миссия приобрела более устойчивую организацию, а основание Риги в 1201 году создало новый центр торговли, управления и церковной деятельности. Расположение города у устья Двины позволяло контролировать важную точку встречи морских и речных путей. Однако Рига не существовала обособленно от окружающих земель: его существование зависело от контактов, обмена и конфликтов с населением окружающих земель.

В Риге торговые интересы и потребности духовенства во многом совпадали. Купцам были нужны безопасность и предсказуемые правила торговли. Церковной организации требовались средства, транспорт и люди. Совпадение интересов, впрочем, не исключало разногласий. Городское сообщество, епископ и прибывающие вооружённые участники походов со временем приобретали собственные цели.

Основание Риги не привело к немедленному подчинению всей Ливонии. Влияние нового центра расширялось постепенно и неравномерно. Даже соседние общины по-разному относились к соглашениям с епископом, а отдалённые земли сохраняли собственные политические связи. Укреплению позиций Риги служили крепости, вооружённые отряды и переговоры с местными старейшинами.

В этих условиях появилась идея братства, члены которого постоянно находились бы в регионе и сочетали военную службу с религиозными обязательствами. Создание такого объединения в 1202 году традиционно связывают с епископским окружением в Риге. Со временем братство, созданное для поддержки миссии, стало самостоятельным участником борьбы за земли и власть.

Прибалтийские крестовые походы существенно отличались от экспедиций в Святую землю. Здесь военные действия происходили в непосредственной близости от торговых маршрутов и европейских поселений, а участники походов могли прибывать на один сезон. Для них участие в военном предприятии сочеталось с религиозными мотивами, политическими интересами и ожиданиями добычи или новых возможностей.

Постоянные рыцари отличались от временно прибывших воинов прежде всего обязательством оставаться в регионе и подчиняться внутренней дисциплине братства. Это позволяло сохранять вооружённую силу после окончания сезона плавания. Но одновременно появлялась новая проблема: кто определяет цели этой силы и кто распоряжается территориями, полученными при её участии?

Военное братство создавалось для поддержки миссии и защиты новых владений. Со временем постоянная вооружённая организация приобрела собственные интересы в распределении земель и управлении ими. Именно на этой почве возникали споры с епископской властью.

О Мейнарде, Бертольде и первых годах Альберта наиболее подробно рассказывает Генрих Латвийский. Его повествование позволяет восстановить последовательность событий, но передаёт церковную точку зрения. Поскольку независимые записи переговоров ливских общин почти не сохранились, приведённые в хронике речи нельзя считать дословными.

Предпосылки возникновения меченосцев сложились задолго до официального учреждения братства. Купеческие связи, миссионерские инициативы, местные политические отношения и недостаточность временной вооружённой поддержки создали условия для появления постоянной военно-религиозной организации.

Глава третья. Основание Ордена меченосцев и его первые годы

К началу XIII века положение рижской миссии оставалось неустойчивым. Прибывавшие из германских земель паломники могли участвовать в походах и помогать защищать новые церковные владения, но их присутствие зависело от сезона, личных обязательств и возможности вернуться домой. Однако укрепления, торговые пункты и поселения нуждались в постоянной охраны. Для епископа Альберта это была не отвлечённая задача: без устойчивой вооружённой силы результаты предыдущих экспедиций могли оказаться недолговечными.

Одним из способов обеспечить постоянную защиту стало создание воинского братства, члены которого приносили религиозные обеты. В отличие от временного отряда крестоносцев, такое объединение предполагало длительное пребывание на месте, дисциплину и определённый порядок подчинения. Его участники должны были сочетать монашеские обязательства с военной службой. Сама эта идея не была совершенно новой: в Святой земле уже существовали военные ордены, чья деятельность стала примером для других регионов.

В Ливонии военно-религиозное братство действовало в условиях, отличавшихся от Святой земли: лесистая местность, речные коммуникации и разобщённость местных политических центров определяли способы ведения войны. Для охраны крепостей и походов требовались местные проводники, союзники и налаженное снабжение.

Основание ордена обычно датируют 1202 годом и связывают с цистерцианцем Теодорихом, сотрудником епископа Альберта. Сохранившиеся свидетельства, однако, не позволяют точно определить вклад каждого участника в учреждение братства.

Название «Орден меченосцев» закрепилось в историографии благодаря знакам на одежде братьев. В латинских документах и хрониках встречаются и другие обозначения братства; их разнообразие не следует подменять единым современным наименованием.

Традиционно отличительными знаками братьев называют красные меч и крест на белом плаще. Поздние изображения, однако, не всегда точно передают внешний вид рыцарей начала XIII века.

Религиозные обязательства и общая дисциплина определяли жизнь братьев и за пределами военных походов. Между военными выступлениями они несли гарнизонную службу, распоряжались имуществом братства и поддерживали связь с церковными властями. В этом заключалось отличие постоянной орденской общины от временного рыцарского отряда.

Во главе братства стоял магистр. Но считать его полностью независимым правителем было бы неверно. В ранний период орден находился в сложных отношениях с рижским епископом и церковными властями. Вопрос о том, кто вправе назначать должностных лиц, распределять земли и распоряжаться доходами, постепенно приобретал всё большее значение.

Не все, кто участвовал в действиях меченосцев, обязательно являлись полноправными братьями-рыцарями. Военные экспедиции требовали поддержки слуг, ремесленников, союзных воинов, перевозчиков и людей, обеспечивавших снабжение. Повествовательные источники чаще называют военных руководителей, чем тех, кто ежедневно поддерживал жизнь укреплений. Поэтому реконструкция орденского быта всегда остаётся менее полной, чем описание крупных походов.

Точную численность братства по годам установить невозможно. Источники содержат лишь отдельные сведения, причём необходимо различать братьев-рыцарей, прочих членов общины и привлечённые к походам силы. Поэтому оценки состава ордена требуют указания времени и круга учитываемых участников.

Для содержания постоянной военной организации было недостаточно усилий прибывавших рыцарей: братству требовались регулярные доходы. В Ливонии таким ресурсом прежде всего становились земли и связанные с ними права. Но получение территории порождало новый вопрос: кому именно принадлежит власть над населением, кто собирает доходы и кто отвечает за церковное управление?

Соглашения епископа с братьями показывают, что раздел земель определял доходы, а также распределение власти в новых владениях. Совместное участие в походах не исключало споров о правах на завоёванные территории.

Средневековое землевладение нельзя отождествлять с современным правом собственности. Оно включало целый набор прав и обязанностей: сбор определённых платежей, суд, военную защиту, церковные полномочия и признание власти вышестоящего лица. Эти права могли принадлежать разным участникам и становиться предметом переговоров.

Для местных общин смена властителя означала не только появление нового военного гарнизона. Она могла повлечь изменение повинностей, порядка разрешения споров и отношений с соседними землями. Поэтому важно рассматривать не только внутренние правила ордена, но и последствия его власти для местного населения.

Епископ Альберт нуждался в вооружённой поддержке. Меченосцы, в свою очередь, нуждались в церковном признании, земле и законном обосновании своего положения. Союз приносил выгоду обеим сторонам, хотя взаимная зависимость впоследствии становилась причиной разногласий. Чем успешнее действовали рыцари, тем заметнее становился вопрос о самостоятельности их решений.

Особенно важно не переносить на раннюю историю меченосцев положение Ливонского ордена более позднего времени. После 1237 года орденские земли и структура управления оказались включены в Тевтонский орден. Но в первые десятилетия XIII века существовало самостоятельное братство, ещё вырабатывавшее отношения с рижской кафедрой и папской курией.

Папская переписка свидетельствует о попытках согласовать притязания епископа и братства. Рижская кафедра стремилась сохранить церковные полномочия, тогда как меченосцы добивались устойчивого правового положения и земельных доходов. Общая цель миссии не устраняла этих противоречий.

Эти разногласия не следует объяснять исключительно личным честолюбием участников. Причина заключалась также в распределении полномочий: епископская власть отвечала за духовное руководство, а вооружённое братство стремилось закрепить за собой земельные владения.

Ранним успехам меченосцев способствовали не одни лишь вооружение и рыцарская выучка. Существенное значение имели укреплённые пункты, поддержка прибывающих крестоносцев и местные союзы. В лесистом крае, изрезанном реками, знание дорог, переправ и сезонных условий порой значило не меньше, чем вооружение.

Основание братства не означало немедленного подчинения всей будущей Ливонии. Договорённости нарушались, союзы менялись, а удержание крепостей зависело от гарнизонов и снабжения. Продвижение сопровождалось походами, переговорами и новыми столкновениями.

Важнейшая особенность раннего периода состоит в том, что орден действовал среди нескольких центров силы. Рижский епископ, немецкие купцы, датские правители, русские князья и местные общины преследовали собственные интересы. Ни один из участников не мог беспрепятственно диктовать свою волю всему региону.

Именно из этого противоречивого начала выросла организация, которая за несколько десятилетий стала одним из главных участников борьбы за Восточную Балтику. Её дальней-

шая история покажет, как постоянное военное братство превратилось в землевладельческую и политическую силу — и почему достигнутая мощь не спасла его от тяжёлого поражения.

Основным повествовательным источником о первых годах братства остаётся «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, прежде всего её рассказы о деятельности епископа Альберта и военных походах. Папские грамоты дополняют эту картину сведениями о правовом положении ордена и его отношениях с церковной властью. Сопоставление этих свидетельств помогает отличать события от последующего юридического оформления их результатов.

Глава четвёртая. Устройство ордена, устав и повседневная жизнь братьев-рыцарей

Орден меченосцев нельзя описать только как отряд хорошо вооружённых всадников. Его особенность заключалась в попытке соединить военное ремесло с религиозным образом жизни. Вступление в братство предполагало обязательства, которые выходили за пределы обычной службы господину. Рыцарь должен был воспринимать своё участие в походах как часть общего дела, подчинённого правилам общины и церковному идеалу.

Образцом для меченосцев служили военно-религиозные объединения Святой земли, соединявшие общинную жизнь с военной службой. Сходство организационных принципов, однако, не свидетельствует о полном совпадении уставных норм: положения, известные по другим орденам, нельзя без подтверждения приписывать ливонскому братству.

Сведения о внутреннем распорядке братства сохранились фрагментарно. Хроники уделяют внимание прежде всего походам и конфликтам, почти не описывая приём новых членов, дисциплинарные взыскания и повседневную жизнь. Поэтому реконструкция орденского уклада должна опираться на документы, относящиеся именно к меченосцам; более поздние правила Тевтонского ордена могут служить материалом для сравнения, но не прямым свидетельством о практике братства до 1237 года.

Военно-религиозная община предполагала, что личные решения её участников ограничиваются общими обязанностями. Традиционные монашеские обеты бедности, целомудрия и послушания задавали идеал, отличавший братьев от светских воинов. В реальной жизни этот идеал приходилось совмещать с необходимостью владеть оружием, управлять людьми и распоряжаться ресурсами, без которых военная служба была невозможна.

Бедность отдельного брата не равнялась бедности всего ордена. Для существования общине требовались земля, продовольственные запасы, кони, вооружение и помещения. Именно различие между личным отказом от собственности и коллективным владением имуществом помогает понять, почему религиозное братство могло постепенно превратиться в крупного землевладельца.

Послушание имело несколько уровней. Брат подчинялся внутреннему руководству, тогда как само братство вступало в отношения с епископом и папским престолом. Когда интересы этих уровней власти расходились, возникали конфликты о пределах полномочий. Поэтому дисциплину ордена следует изучать вместе с историей его церковно-правового положения.

Во главе меченосцев стоял магистр, которому требовались как военные, так и административные навыки. Он должен был руководить людьми, поддерживать порядок, участвовать в переговорах и защищать интересы братства. Но источники не дают оснований считать магистра неограниченным правителем, свободным от обязательств перед другими церковными властями.

Первым магистром традиционно называют Венно (Winno). В литературе встречаются варианты передачи его имени — Винно и Венно. При сопоставлении исследований нужно учитывать, что речь идёт об одном лице. Генрих Латвийский сообщает о его гибели в 1209 году в Риге от руки рыцаря Викберта; обстоятельства убийства следует излагать по хронике, не превращая позднейшие предположения о мотивах в установленный факт (Генрих Латвийский, XIII, 2; Murray, 2013, с. 29–30).

В начале XIII века управленческая структура братства формировалась вместе с его владениями. Требовалось назначать ответственных за укрепления, снабжение и связь между отдельными пунктами. Но конкретные должности и их полномочия следует устанавливать по доку-

ментам соответствующего времени, а не реконструировать автоматически по практике более позднего Ливонского ордена.

Повседневная служба меченосца не ограничивалась походами. Значительная часть службы проходила в укреплённых пунктах. Здесь хранились припасы, содержались кони, ремонтировалось оружие, принимались посланцы и организовывались походы. Крепость служила военной базой, административным узлом и знаком присутствия новой власти.

Для содержания гарнизона требовалась непрерывная работа многих людей. Одни заготавливали корм, другие обеспечивали перевозки, строили и ремонтировали укрепления. Источники редко сохраняют их имена, но без этой незаметной работы вооружённые братья не смогли бы удерживать даже хорошо защищённый пункт.

Климат Восточной Балтики определял ритм передвижений. Летние дороги, речная навигация, зимние переходы и состояние болотистой местности меняли возможности войска. Зимний поход мог облегчить пересечение замёрзших водных преград, но одновременно повышал требования к запасам и снаряжению. Поэтому решения военных руководителей зависели от сезонных условий, а не только от политических планов.

При удалении от укреплённых пунктов особое значение приобретали местные проводники и перевозчики. Они знали переправы и дороги, могли помочь с доставкой припасов и тем самым влияли на продолжительность и направление похода.

Источники не позволяют составить точную универсальную ведомость расходов ордена на каждый год. Характер военной службы, тем не менее, объясняет, почему земельные доходы и контроль над путями сообщения имели для братства такое значение. Экономическая база была условием военной силы, а не побочным результатом завоевания.

Вступление в военно-религиозную общину предполагало участие в богослужении и следование христианским нормам, но походная действительность ставила перед братьями сложные вопросы. Средневековые авторы часто представляли военные действия как служение вере. Современное исследование должно одновременно учитывать этот язык самоописания и последствия насилия для населения.

Не всякий поход можно объяснить исключительно стремлением обратить местных жителей в христианство. В конкретных решениях переплетались оборона союзников, месть за нападения, получение заложников, укрепление власти и контроль над доходами. Различение заявленных целей и фактических интересов не означает отрицания искренних религиозных убеждений участников. Оно позволяет избежать слишком простой картины.

Повествования о крещениях, отказе от прежних обязательств и повторных военных экспедициях показывают, что формальное признание новой религии не всегда означало устойчивое политическое подчинение. Вопросы веры, власти и общественных отношений были связаны, но не тождественны.

При восстановлении внутреннего устройства меченосцев необходимо сопоставлять хронику Генриха Латвийского с папскими актами и исследованиями военных орденов. Более поздние нормы Тевтонского ордена могут служить материалом для сравнения, но не прямым свидетельством о раннем братстве.

Повседневная жизнь братства соединяла молитву, дисциплину, военную подготовку и хозяйственное управление. Расширение владений требовало новых источников доходов, постоянного снабжения гарнизонов и более сложного управления. Военные походы и борьба за контроль над Ливонией непосредственно влияли на эти хозяйственные потребности.

Глава пятая. Покорение Ливонии и борьба за земли

Создание Ордена меченосцев не привело к немедленному установлению власти Риги над окрестными землями. Походы чередовались с переговорами, выдачей заложников и соглашениями, а достигнутые договорённости могли вскоре нарушаться. Подчинение отдельных областей было длительным и неравномерным процессом.

В начале XIII века название «Ливония» употреблялось в разных значениях. Первоначально оно относилось прежде всего к землям ливов, позднее — к более обширным владениям латинских церковных и светских властей. При чтении источников нужно учитывать это изменение.

Для рижского епископа и меченосцев контроль над окрестностями города был вопросом безопасности. Для местных общин он означал изменение привычных отношений власти. Важнейшие решения принимались не только на поле боя: переговоры с вождями, обеспечение продовольствием и выбор союзников нередко определяли исход кампании не меньше, чем вооружённое столкновение.

Основанная в 1201 году Рига стала опорным пунктом нового порядка. Её положение у речного пути позволяло соединять морскую торговлю с продвижением вглубь страны. Но роль Риги не ограничивалась торговлей. Здесь сосредоточивались церковная администрация, прибывавшие крестоносцы, купцы и представители военного братства.

Близость Риги к землям ливов создавала постоянную необходимость договариваться с местным населением. Поддержка одних общин могла сопровождаться враждой других. Военные действия на Двине нельзя свести к столкновению двух неподвижных лагерей: состав союзов менялся, а решения местных руководителей зависели от конкретной угрозы и ожидаемой выгоды.

У Генриха Латвийского заметное место занимают укреплённые пункты на Двине, включая Икшкиле и Гольм. Их история показывает, почему строительство и удержание крепостей стало одной из главных задач латинской миссии. Укрепление позволяло пережить нападение и собрать силы для следующего похода, но одновременно требовало постоянных расходов и людей.

Ливские общины не выступали как единое политическое целое. Одни руководители вступали в переговоры с миссионерами, другие противились новым обязательствам; возможны были и перемены позиции. Эта изменчивость не свидетельствует о непоследовательности местного населения. Она отражает ситуацию, в которой разные общины стремились сохранить безопасность и свободу действий.

Рассказы хронистов о крещении и последующем возвращении к прежним обрядам отражают не только религиозные противоречия. Отказ от новых обязательств мог быть связан также с сопротивлением чужой власти и повинностям. В то же время церковное происхождение свидетельства не позволяет уверенно судить о мотивах каждой общины.

Рыцари и крестоносцы применяли вооружённую силу, но для длительного удержания территории нуждались в местных посредниках. Проводники знали дороги и переправы, союзные отряды помогали в походах, а соглашения с общинами обеспечивали относительную устойчивость. Без этих связей даже успешный поход мог закончиться временным результатом.

Продвижение в латгальские земли происходило на фоне уже существовавших контактов с Полоцком и соседними областями. Местные правители не всегда воспринимали рижскую сторону исключительно как врага. В некоторых обстоятельствах союз с епископом и меченосцами позволял получить помощь против других соперников.

Особенно важна фигура Таливалдиса, упоминаемого в «Хронике Ливонии» в связи с латгальскими землями. Его история показывает, насколько опасным было положение местных

руководителей, оказавшихся между несколькими военными силами. Однако подробности его политических решений следует излагать с опорой на конкретные главы хроники и без приписывания ему мыслей, которых источник не передаёт.

Союз с Ригой не всегда означал равноправное сотрудничество. По мере укрепления новой власти военная помощь могла сопровождаться признанием церковной юрисдикции, передачей земель или судебных полномочий. Эти формы зависимости следует различать, поскольку источники фиксируют их неодинаково.

События вокруг Кукенойса и Герцике показывают, что борьба за Двину затрагивала не только местные общины и западных пришельцев. Эти центры были связаны с восточнославянским политическим миром, а их положение на речных путях делало их важными для соперничавших сил.

Кукенойс традиционно связывают с князем Вячко. Рассказ Генриха Латвийского об этом князе и столкновениях вокруг его укрепления имеет особое значение для реконструкции ранних контактов Риги с русскими политическими центрами. Хроника, однако, передаёт события с позиции латинской миссии, и её объяснения мотивов участников требуют критической проверки.

В Герцике действовал князь Всеволод. Военные события, затронувшие его владения, свидетельствуют о стремлении рижской стороны расширить влияние на важнейшие участки Двины. Однако не следует представлять каждую такую кампанию как прямое противостояние двух государств в современном смысле: политические связи были многоуровневыми, а местные владетели обладали собственной свободой манёвра.

Для меченосцев участие в подобных походах имело непосредственное значение. Военная помощь епископу могла сопровождаться ожиданием новых владений и укреплением позиций братства. Именно здесь религиозные задачи, безопасность торгового пути и интересы землевладения особенно тесно соединялись.

Военный поход становился началом, а не завершением подчинения территории. Для закрепления результатов требовались гарнизоны, укрепления и признание новых обязательств. В хрониках встречаются сведения о заложниках и соглашениях; эти практики были распространённым средневековым способом обеспечить исполнение договорённостей.

Заложник в таком контексте не обязательно был пленником, захваченным в бою. Его передача могла быть частью политического соглашения, призванного гарантировать мир или верность. Но для семьи и общины подобное обязательство оставалось тяжёлым. Оно показывает, что власть закреплялась религиозным убеждением, а также системой принуждения.

Замок позволял контролировать ближайшие дороги, хранить припасы и принимать представителей окрестных земель. Но гарнизон замка зависел от окружающих поселений. Нужны были сельскохозяйственные продукты, ремесленные изделия и устойчивые связи с местным населением. Поэтому вопрос о земле постепенно превращался в вопрос о праве на доходы и управление.

Общая религиозная цель не устраняла соперничества между рижским епископом и меченосцами. С расширением владений всё острее вставали вопросы о распределении доходов, назначении управителей и разграничении церковных и военных полномочий.

Вмешательство папства в земельные споры начала XIII века свидетельствует о серьёзности противоречий. Выделение доли территории, однако, не обязательно означало передачу всех судебных, хозяйственных и церковных прав на её население. Содержание каждого соглашения определялось его конкретными условиями.

Для местных жителей соперничество новых властей могло осложнять порядок уплаты повинностей и разрешения споров. Для меченосцев же земельные доходы обеспечивали содержание постоянного братства. Поэтому борьба за владения составляла существенную часть завоевания.

Хроники рассказывают о разорении поселений, захвате добычи, гибели людей и пленении, хотя редко передают взгляды рядовых жителей. Эти свидетельства необходимо учитывать даже тогда, когда автор оправдывает действия своей стороны: походы меняли жизнь не только правителей и воинов, но и семей земледельцев, ремесленников и торговцев. О судьбе отдельных общин и новых отношениях зависимости можно судить лишь при сопоставлении хроник с другими источниками.

Вопрос о принуждении к крещению также нельзя решать одной формулой. В разных местах и в разные годы сочетание проповеди, соглашений и вооружённого давления было неодинаковым. Отдельные случаи не дают права автоматически переносить один механизм на весь регион.

К концу первого десятилетия XIII века рижская церковная организация и меченосцы приобрели более устойчивые позиции, чем в годы первых миссий. Но речь ещё не шла о полном и бесспорном господстве над Восточной Балтикой. Местные союзы сохраняли значение, а соседние политические силы продолжали вмешиваться в региональные конфликты.

Успехи братства одновременно усиливали его зависимость от земельных доходов. Чем больше крепостей и воинов требовалось содержать, тем сильнее становилась потребность в управлении, снабжении и закреплении прав. Так военная организация постепенно приобретала черты территориальной власти.

Расширение походов на эстонские земли вовлекло меченосцев в соперничество с датской короной. Борьба за укрепления, земли и церковную юрисдикцию вышла далеко за пределы первоначальной обороны Риги.

Глава шестая. Эстонские походы и датское соперничество

Когда рижские епископы и меченосцы стали всё чаще направлять походы к северу, они вступили в регион, который нельзя описать как единое государство. Эстонские земли состояли из нескольких областей, отличавшихся устройством, возможностями мобилизации и характером отношений с соседями. В источниках встречаются названия Уганди, Сакала, Харьюмаа, Вирумаа и других областей. Каждая из них имела собственную историю контактов с Ливонией, русскими княжествами и скандинавским миром.

Война на этих землях была трудной для всех участников. Многочисленные укреплённые пункты, леса, реки и сезонные изменения дорог ограничивали действия крупных отрядов. Захват одного укреплённого центра ещё не обеспечивал подчинения соседних земель. Более того, заключённое после похода соглашение могло утратить силу, когда менялось соотношение сил или уходили прибывшие из-за моря крестоносцы.

«Хроника Ливонии» Генриха Латвийского позволяет восстановить последовательность походов, ответных набегов, переговоров и крещений. Однако хронист рассматривает происходившее прежде всего с позиций латинской миссии. О действиях местных обществ свидетельствуют, в частности, сообщения о решениях старейшин, обороне крепостей, выборе союзников и возобновлении сопротивления.

В начале второго десятилетия XIII века военные действия всё чаще затрагивали южные области эстов. Уганди и Сакала занимали важное место в этих конфликтах, поскольку через их земли проходили пути между Ливонией, внутренними областями Эстонии и восточными соседями. Для рижской стороны контроль над такими направлениями позволял уменьшить угрозу набегов и расширить сеть союзных поселений.

Одним из известных укреплённых центров Сакала был Вильянди, называемый в немецкой традиции Феллином. Осады подобных пунктов требовали вооружённых людей, а также подготовки осадных средств, запасов продовольствия и согласованных действий нескольких отрядов. Хроникальные рассказы об осадах дают редкую возможность увидеть, как менялась военная практика в регионе.

Противостояние не сводилось к победам рыцарской конницы. В лесистой местности тяжеловооружённым всадникам требовалась поддержка пехоты, проводников и местных союзников. Военные возможности меченосцев зависели от взаимодействия гарнизонов, прибывавших крестоносцев и подчинённых общин.

Эстонские походы разворачивались рядом со сферой интересов Пскова и Новгорода. Эти города были связаны с восточной частью Балтики торговлей, политическими контактами и военными экспедициями. Поэтому распространение власти рижской церкви и меченосцев затрагивало отношения между латинскими завоевателями и местными обществами, а также более широкую систему регионального соперничества.

Русские летописи и хроника Генриха освещают события с разных позиций: различаются выбор эпизодов, способы датировки и обозначения участников. Расхождения необходимо сопоставлять, не отдавая заранее предпочтения одному из рассказов.

Сопоставление таких свидетельств особенно важно для оценки роли местных жителей. Эстонские общины могли искать помощи у разных соседей и сохраняли возможность самостоятельно выбирать политическую линию. Обращение к внешнему союзнику могло быть способом защитить собственные земли или изменить баланс сил в споре с другой областью.

В 1219 году на североэстонском побережье высадились силы датского короля Вальдемара II. С этим походом связана битва при Линданисе, позднее окружённая известными предани-

ями о датском знамени. Для истории меченосцев важнее не легендарная сторона события, а появление ещё одного могущественного претендента на власть в Эстонии.

Датская корона стремилась закрепиться в северной части региона, тогда как рижская сторона и меченосцы уже вели походы на эстонских землях. Общая принадлежность к латинскому христианству не исключала споров о территориях и церковных полномочиях. Соперничество христианских сил становится здесь столь же заметным, как их борьба с местными противниками.

Высадка датского войска в 1219 году ещё не означала установления прочного управления всей северной Эстонией. Закрепление власти требовало укреплений, представителей короны, духовенства и договорённостей с местными общинами. Вопрос о принадлежности этих земель впоследствии неоднократно становился предметом споров.

Между рижской церковной организацией, меченосцами и датчанами возникали пересекающиеся притязания. Они могли ссылаться на участие в походах, ранее заключённые соглашения и церковное признание своих прав. Военное овладение территорией, однако, не всегда сопровождалось юридическим закреплением прав на неё.

С точки зрения ордена расширение на север открывало возможность получить новые земли и доходы. Одновременно возрастала опасность столкновения с королевской властью, располагавшей более широкими дипломатическими возможностями. Спор о территории превращался в вопрос о том, чьё решение признают местные общины и чьи права подтвердит папский престол.

Папские представители пытались согласовать противоречивые притязания, но дипломатические решения не всегда сразу меняли положение на местах. В Эстонии юридическое признание прав и фактический контроль над крепостями нередко расходились.

Особое место занимал остров Сааремаа, известный в западных источниках как Эзель. Его жители были связаны с морскими путями Балтики и могли действовать не только на суше. Для сил, опиравшихся на Ригу и внутренние укрепления, островные походы представляли отдельную задачу: требовались суда, благоприятные условия переправы и способность удерживать результаты экспедиции.

В 1227 году объединённые силы латинских участников похода провели крупную кампанию против Сааремаа. В изложении Генриха Латвийского эта экспедиция занимает важное место в завершении его рассказа о покорении эстонских земель. Однако даже успешная кампания не означает, что все прежние противоречия исчезли навсегда.

Походы на Сааремаа зависели от условий переправы, наличия судов, снабжения и согласованных действий разных отрядов. Поэтому исход похода определялся действиями не одной лишь рыцарской конницы.

К концу 1220-х годов политическая карта Эстонии существенно изменилась. Возникли новые церковные и светские центры власти, укрепилось присутствие военных братств и датской короны. Но перемены не сводились к замене одного правителя другим. Они затрагивали распределение земель, сбор повинностей, организацию приходов и отношения между поселениями.

Для местных обществ последствия были неодинаковы. Одни руководители сохраняли часть своего положения, вступив в новые отношения зависимости; другие теряли власть. Хроники чаще сообщают о военных результатах, чем о повседневном приспособлении населения к изменившемуся порядку. Поэтому картина социальных последствий неизбежно остаётся неполной.

Для меченосцев эстонские походы означали одновременно усиление и рост нагрузки. Новые владения требовали гарнизонов, управления и защиты от соперников. Чем шире становилась территория деятельности братства, тем больше зависела его устойчивость от способности согласовывать военную силу, земельные доходы и дипломатические обязательства.

Расширение владений усиливало зависимость ордена от земельных доходов, гарнизонов и дипломатических соглашений. К 1230-м годам меченосцы оказались вовлечены в противоречия, далеко выходившие за пределы первоначальной задачи защиты рижской миссии.

Глава седьмая. Меченосцы, Полоцк, Псков и Новгород

На рубеже XII–XIII веков пространство между Финским заливом, Западной Двиной и Чудским озером не было окраиной, изолированной от соседних политических центров. Речные пути соединяли его с Полоцком, Псковом и Новгородом, а балтийские морские дороги — с северогерманскими городами и Скандинавией. По ним передвигались купцы, посланцы, духовные лица и вооружённые отряды. Поэтому появление в Риге латинской церковной организации означало включение нового участника в уже сложившуюся систему отношений.

Слово «Русь» в применении к этому периоду требует пояснения. Оно не обозначает единого централизованного государства в современном смысле. Княжеские центры обладали собственными интересами и могли по-разному реагировать на события в Ливонии. Полоцк был непосредственно связан с течением Западной Двины; Псков и Новгород — с землями эстов и коммуникациями к Финскому заливу. Считать их политику заранее согласованной было бы ошибкой.

Ливы, латгалы и эсты не были пассивными участниками борьбы за Восточную Балтику. Их старейшины заключали союзы, обращались за военной помощью и пересматривали прежние обязательства. Поэтому контакты рижской стороны с русскими князьями следует рассматривать с учётом решений местных общин.

Западная Двина занимала особое место в отношениях Полоцка с балтийским побережьем. Доступ к речному пути создавал возможности для торговли и политического влияния. Однако средневековое господство не всегда предполагало непосредственное управление каждой деревней. Оно могло выражаться в выплате дани, признании старшинства, военной поддержке и соглашениях с местными руководителями.

Генрих Латвийский сообщает, что епископ Мейнард получил согласие полоцкого князя Владимира на проповедь среди ливов, плативших ему дань. Это известие показывает, что миссия возникала в пространстве уже существовавших политических обязательств. Но оно не позволяет установить точные границы полоцких владений или распространить даннические права князя на все земли нижней Двины.

По мере укрепления Риги менялись отношения с Полоцком. В 1212 году состоялись переговоры епископа Альберта с полоцким князем о дани с ливов, безопасности плавания купцов по Двине и совместном противодействии литовским набегам. Рассказ об этих переговорах принадлежит Генриху Латвийскому и отражает взгляд рижской стороны. При оценке их результатов необходимо различать интересы епископа, меченосцев, купцов и местных общин; участие братьев в переговорах не означает, что все решения принимались орденом самостоятельно.

Одним из наиболее обсуждаемых эпизодов ранней истории Ливонии стали события вокруг Кукенойса и князя Вячко. В латинской традиции его имя передаётся иначе, чем в русскоязычной историографии; это обычная проблема сопоставления средневековых текстов. Сам Кукенойс находился на важном участке Двины, и его положение объясняет внимание к нему со стороны Риги.

Генрих Латвийский описывает столкновения князя Вячко с рижской стороной и разрушение укрепления Кукенойса. Его рассказ отражает прежде всего взгляд сторонника латинской миссии. Последовательность событий также показывает борьбу за местные права, безопасность речного пути и устойчивость соглашений; мотивы князя не следует сводить к одной причине.

История Кукенойса показывает, что простая схема «Русь против ордена» недостаточна. Князь действовал в собственном политическом окружении; рижская сторона состояла из

нескольких организаций; местные жители имели свои интересы. Кроме того, отдельные эпизоды касались рыцарей-меченосцев, а также епископских сил и союзников.

Герцике, или Ерсика, являлась ещё одним центром на Двине, связанным с восточнославянским политическим миром. В рассказе Генриха Латвийского важную роль играет князь Всеволод. Столкновения вокруг его владений демонстрируют, насколько тесно переплетались вопросы безопасности речного пути, отношений с соседними общинами и расширения рижского влияния.

Поход на Герцике в 1209 году завершился переговорами и изменением отношений князя Всеволода с епископом Альбертом. Оценивая последствия, следует различать содержание конкретных обязательств и более поздние обобщающие термины, такие как «вассалитет» или «подчинение». Эти обозначения не раскрывают сами по себе объём земельных и политических прав сторон.

События вокруг Герцике также не следует считать доказательством того, что орден с самого начала проводил самостоятельную единую восточную политику. В ряде кампаний руководящая роль принадлежала епископу Альберту. Меченосцы были важным военным участником, но их собственные земельные интересы постепенно отделялись от интересов церковной администрации.

В отличие от Полоцка, ориентированного прежде всего на Двину, Псков и Новгород имели длительные связи с восточными и северными областями Эстонии. Торговля, сбор дани, военные походы и отношения с местными старейшинами создавали многообразную систему влияния. В русских летописях упоминания чудских земель отражают эту историю, но не дают исчерпывающей картины всех отношений с населением региона.

Для Пскова изменения в Эстонии были особенно чувствительны: новые укрепления и союзы возникали сравнительно близко от его западных рубежей. Новгород обладал более широкими торговыми связями и собственными интересами в регионе. Политика обоих городов зависела от княжеских конфликтов, смены руководителей и отношений с местными общинами.

Латинские известия о походах на эстонские земли необходимо сопоставлять с русским летописанием. Сообщения двух традиций различаются по датировкам, полноте и выбору событий; отсутствие эпизода в одной из хроник не доказывает, что он не происходил. Поэтому отдельные столкновения нельзя отождествлять лишь по близости дат (Новгородская первая летопись, 1950; Псковские летописи, вып. 1, 1941; Selart, 2015).

Юрьев, известный также под названием Дорпат, был важным укреплённым пунктом на востоке эстонских земель. В начале 1220-х годов борьба за него стала частью более широкого соперничества рижской стороны, местных общин и русских княжеских сил. С этим сюжетом связано возвращение князя Вячко в эстонскую политическую историю.

Осада и взятие Юрьева (Дорпата) в 1224 году подробно описаны Генрихом Латвийским (раздел XXVIII, 3–6). Новгородская первая летопись упоминает событие значительно короче. Сопоставление этих известий позволяет подтвердить сам факт падения крепости, но не делает одинаково надёжными все подробности латинского рассказа о численности участников, их мотивах и ходе осады. В борьбе участвовали силы рижской стороны, местные защитники и люди князя Вячко; их интересы не следует сводить к противостоянию двух единых государств.

События 1224 года не следует без оговорок связывать с конфликтами середины XIII века. После 1237 года самостоятельный Орден меченосцев уже не существовал, а политическая и военная обстановка в регионе изменилась. Это разграничение важно для точной хронологии.

Восточная Балтика была местом контакта нескольких религиозных традиций. Православные князья и латинские миссионеры принадлежали к христианскому миру, но действовали в различных церковных и политических структурах. Поэтому конфликты между ними нельзя объяснять исключительно противостоянием христианства и местных верований.

Столкновения русских княжеских сил с рижской стороной возникали из-за торговых путей, крепостей, дани и союзных обязательств. Конфессиональные различия отражались в политическом обосновании конфликтов, но не исключали переговоров, временных соглашений и практического взаимодействия.

Контакты меченосцев с Полоцком, Псковом и Новгородом отражали изменение политического равновесия в регионе. Полоцкие интересы сосредоточивались прежде всего на Двине, тогда как Псков и Новгород были теснее связаны с восточноэстонскими землями. Решения местных общин и действия епископской власти не всегда совпадали с намерениями ордена.

Глава восьмая. Экономика завоевания и управление территориями

Военные успехи меченосцев невозможно понять отдельно от хозяйственных условий, которые позволяли содержать вооружённое братство. Крепости требовали гарнизонов, коней, зерна, инструментов и постоянного ремонта. Поэтому территориальное расширение означало получение новых позиций на карте, а также необходимость выстроить отношения с земледельческими общинами, торговцами и местными посредниками. Без этих отношений даже успешно занятый замок мог превратиться в изолированный пункт.

Хроники подробно описывают походы и осады, но редко сообщают, как снабжались гарнизоны и собирались платежи. Недостаток сведений не позволяет отрицать существование повинностей, однако нормы из значительно более поздних документов нельзя без доказательств переносить на начало XIII века.

Владение землёй в XIII веке не следует отождествлять с современным правом собственности. В одной местности могли пересекаться притязания епископа, ордена, местного руководителя и церковного учреждения. Права на суд, сбор доходов, военную защиту и назначение духовенства не всегда совпадали. Поэтому споры о разделе завоёванных территорий приобретали политическую остроту.

Положение Риги у устьевого участка Западной Двины делало город важным посредником между морской торговлей и внутренними областями. Сюда прибывали люди, товары и сведения из германских земель; отсюда организовывались поездки и походы вглубь региона. Для меченосцев город был не просто ближайшим рынком, а частью системы снабжения и дипломатических контактов.

Интересы купцов и военного братства не всегда совпадали. Торговле требовались безопасные пути и устойчивые договорённости, а военные кампании могли нарушать сложившиеся связи. В то же время укрепление безопасности на отдельных участках Двины создавало условия для обмена. Влияние завоеваний на торговлю следует оценивать по конкретным событиям.

В Риге пересекались интересы епископской кафедры, городского сообщества и ордена. Их сотрудничество в военных и торговых делах сопровождалось соперничеством за земли, доходы и правовые полномочия.

Одним из ключевых документов для ранней истории братства является папское регулирование отношений между рижским епископом и меченосцами в 1211 году. Оно свидетельствует, что распределение земель обсуждалось на высшем церковном уровне. При анализе такого акта важно читать упоминание доли владений, а также оговорки о подчинении и церковной юрисдикции.

Один документ не даёт оснований заключать, что на всей территории Ливонии действовал единый порядок. Соглашения заключались в разное время и при разных обстоятельствах. Юридическое закрепление притязаний и реальный контроль над населённым пунктом могли не совпадать.

Земледелие составляло важную основу существования большинства местных общин. Для новой власти возможность получать продукты и трудовые услуги имела прямое военное значение. Гарнизон нуждался в хлебе, корме и материалах, а укрепления — в строителях и перевозчиках. Однако размеры конкретных повинностей в первые десятилетия деятельности меченосцев известны далеко не для каждой области.

Различные источники отражают разные стороны хозяйственной жизни: хроники сообщают о добыче и разорении, грамоты закрепляют земельные права, позднейшие записи фиксируют регулярные поступления. Поэтому такие свидетельства требуют раздельного анализа.

Замок служил не только военным убежищем. В нём хранили запасы, размещали представителей власти, собирали вооружённых людей и решали вопросы обороны окрестностей. Контроль над переправой или дорогой позволял влиять на движение товаров и людей. Поэтому строительство и удержание укреплений становилось способом закрепить политическое присутствие.

Сама по себе крепость не обеспечивала подчинения окружающих земель. Её безопасность зависела от отношений с местными жителями и соседними центрами силы. Перекрытие дорог и прекращение снабжения делали гарнизон уязвимым. Поэтому военные экспедиции нередко сопровождались переговорами и соглашениями.

Управление владениями требовало распорядителей хозяйства, связных и представителей братства на местах. Поскольку хроники редко называют этих людей, административное устройство раннего ордена восстанавливается лишь в общих чертах.

Переход территории под власть латинских учреждений не всегда означал немедленное устранение всех прежних руководителей. Некоторые местные элиты могли сохранять влияние благодаря союзам и участию в походах. Другие теряли положение в результате военного поражения. Конкретный исход зависел от силы общины, её союзников и условий соглашения.

Заложники и клятвы помогали закреплять обязательства, но не гарантировали длительного мира. При изменении обстоятельств стороны могли вновь прибегнуть к оружию или искать других союзников. В ранней Ливонии переговоры чередовались с вооружёнными столкновениями.

При изучении этого процесса нельзя забывать о неравенстве сторон. Соглашение, заключённое после осады, формально могло иметь договорную форму, но фактически зависело от военного давления. Исторический анализ должен учитывать и текст договорённости, и обстоятельства её заключения.

Новая крепость укрепляла позиции братства, но требовала дополнительных ресурсов. Расширение владений могло приносить доход лишь там, где продолжалась хозяйственная деятельность, сохранялось сообщение по дорогам и гарнизоны были способны удерживать территорию. Стремление к новым землям поэтому грозило чрезмерным распылением сил.

Потребность в подкреплениях из-за моря сохранялась, поскольку местные ресурсы не заменяли полностью притока вооружённых людей. Одновременно орден всё больше опирался на региональные союзы. Это сочетание внешней поддержки и местной хозяйственной базы было одной из особенностей его существования.

К 1230-м годам меченосцы превратились в значимую территориальную силу. Но развитие хозяйственной и административной структуры не устранило внутренних противоречий с церковными властями и внешних конфликтов. Экономическая устойчивость оставалась условной и зависела от военных успехов, которые нельзя было гарантировать.

Земельные права открывали доступ к доходам, крепости обеспечивали военное присутствие, а торговые пути связывали владения с внешним миром. Но формальное пожалование не всегда означало фактический контроль: его приходилось поддерживать гарнизонами, соглашениями и снабжением.

Экономические интересы не объясняют всей деятельности ордена, как и религиозные убеждения не исчерпывают причин его походов. Историческая картина возникает при совместном рассмотрении духовных целей, военной безопасности, торговли, земельных прав и действий местных обществ.

Глава девятая. Конфликты с епископами и папским престолом

Практическое разграничение полномочий между епископом и братством особенно осложнялось там, где крепость одновременно служила военным опорным пунктом и центром сбора доходов. Спор возникал не только о принадлежности земли, но и о том, кто назначает управителей и осуществляет суд.

В первые десятилетия XIII века в Ливонии ещё не существовало единого государственного аппарата. Епископские владения, земли братства, права городского сообщества и интересы других церковных учреждений образовывали сложную систему. Границы между духовной властью и светским управлением здесь были особенно подвижны. Епископ обладал церковной юрисдикцией, но для защиты и удержания владений ему требовались вооружённые силы. Орден имел собственную военную организацию, но его правовой статус зависел от церковного признания.

Противостояние нельзя свести к конфликту духовной и светской власти: обе стороны принадлежали к церковному миру. Спор касался конкретных полномочий и потому не объясняется одной лишь личной неприязнью руководителей.

Важнейшим предметом разногласий стал раздел земель, приобретённых в ходе миссии и военных походов. В папской переписке начала XIII века отражено стремление определить долю братства в Ливонии и Леттии. Соглашение о трети земель было способом обеспечить орден материальными ресурсами и одновременно обозначить границы его притязаний.

Формула «треть земель» не означала точного разграничения каждого селения и всех связанных с ним прав. Судебная власть, церковные доходы и хозяйственные повинности могли распределяться отдельно. Поэтому юридическое соглашение нуждалось в исполнении на местах и не исключало новых споров.

Папское подтверждение от 19 октября 1211 года имеет особое значение для истории отношений епископа и меченосцев. Оно позволяет судить о том, как церковная власть оформляла земельные притязания братства и пределы его самостоятельности. Юридическое признание доли владений, однако, не следует смешивать с бесспорным контролем над соответствующими территориями.

Участники споров обращались к Римскому престолу как к высшей церковной инстанции. Однако папское решение не сразу меняло положение на местах: его исполнение зависело от переговоров, расстояний и противодействия заинтересованных сторон.

Папские письма позволяют установить, какие права отстаивали участники конфликта и какие вопросы выносили на рассмотрение курии. Само содержание грамоты, однако, ещё не свидетельствует о полном исполнении её предписаний.

При чтении папской переписки необходимо различать подтверждение соглашения, новое распоряжение и разбирательство жалобы. Эти действия имели разные правовые последствия и не должны объединяться в неопределённую формулу «папа приказал».

Епископ Альберт был одним из ключевых организаторов латинского присутствия в регионе. Его деятельность объединяла миссионерские задачи, дипломатию и поиск военной поддержки. Но успехи ордена создавали для епископской власти новый риск: вооружённое братство, обладавшее собственными землями, могло всё настойчивее защищать самостоятельность.

Для епископа важным было не только формальное признание старшинства. Контроль над назначениями, судами, приходами и доходами определял реальную возможность управлять приобретёнными территориями. Для братьев же подчинение без прочной имущественной базы

делало бы их зависимыми от решений другого учреждения. Поэтому даже взаимовыгодный союз постоянно нуждался в уточнении правил.

Рига занимала в этой системе особое положение. Город был торговым центром и пунктом прибытия крестоносцев, а не только резиденцией церковной власти. Купеческие интересы могли совпадать с задачами ордена в вопросах безопасности путей, но не обязательно в спорах о сборах и привилегиях.

Споры о владениях особенно остро проявлялись вокруг крепостей и путей снабжения. Содержание гарнизона не давало автоматически бесспорного права на всю округу: соседние церковные и орденские земли оставались хозяйственно взаимосвязанными.

Принадлежность крепости затрагивала право назначать управляющего, размещать воинов, взимать платежи и вершить суд. Эти полномочия могли не совпадать, и потому их следует устанавливать по конкретным грамотам, а не выводить только из хроникального рассказа.

Для местных жителей разница между епископской и орденской властью могла проявляться в том, кому они платили повинности и чьи решения исполняли. Но источники редко позволяют подробно восстановить повседневный опыт каждой общины. Здесь необходима осторожность: юридическая схема не должна подменять собой историю населения.

Завоевание территории не означало автоматического решения всех вопросов церковного устройства. Требовалось определить границы приходов, положение священников и отношения между новыми христианскими общинами и церковными властями. Для епископа это составляло ядро его полномочий. Для военного братства религиозная организация земель была тесно связана с устойчивостью собственной власти.

Средневековая терминология способна вводить современного читателя в заблуждение. Упоминание «обращённой земли» в документе не обязательно означает, что каждый её житель принял новую религию или что все местные обычаи немедленно исчезли. Нередко речь шла о политико-церковном признании территории, тогда как повседневная практика менялась постепенно.

Поэтому необходимо отделять крещение конкретных людей от установления церковной юрисдикции и от военного подчинения области. Эти процессы могли происходить в разное время, даже если хронист объединял их в один рассказ.

Папские представители, прибывавшие в регион, сталкивались не с простым спором двух учреждений, а с многосторонней системой интересов. Здесь действовали епископы, рыцари, городские общины, датская корона и местные руководители. Решение в пользу одного участника могло вызвать возражения других.

Деятельность папского легата Вильгельма Моденского в Ливонии относится прежде всего к миссиям 1225–1226, 1234–1235 и 1237–1238 годов. Она свидетельствует о стремлении курии упорядочить церковное управление и разрешить конфликты в Восточной Балтике. Каждое распоряжение легата необходимо соотносить с обстоятельствами соответствующей миссии и сохранившимися актами.

Дипломатическое посредничество само по себе не свидетельствовало о слабости церковной власти. Обращение к арбитражу означало признание определённых процедур, хотя авторитет вынесенного решения ещё не гарантировал его исполнения.

После датского похода 1219 года соперничество за Северную Эстонию обострилось. Датская корона, рижские церковные власти и меченосцы связывали с завоеванием собственные территориальные притязания; общность вероисповедания не устраняла их расхождения.

Военные успехи меняли фактический контроль над землями, но не отменяли прежних правовых требований. Орден нуждался в средствах для гарнизонов, епископы отстаивали церковную юрисдикцию и доходы, а внешние правители — свои территориальные интересы.

Сопоставление хроники Генриха Латвийского с папскими грамотами и актами о земельных правах позволяет отделить обстоятельства конфликта от юридических требований его участников.

Документы после 1237 года относятся уже к Ливонскому отделению Тевтонского ордена. Преемственность территорий не означает полного совпадения правового положения этой структуры с самостоятельным Орденом меченосцев.

Споры меченосцев с епископами сопровождали расширение завоёванных владений: совместные военные действия не устраняли необходимости разделять власть, земли и доходы.

Глава десятая. Битва при Сауле 1236 года

К середине 1230-х годов меченосцы располагали крепостями и земельными владениями, но их военные возможности оставались ограниченными. Охрана дорог, снабжение гарнизонов и удержание покорённых территорий требовали постоянных расходов. Разногласия с церковными властями и соперничество в Восточной Балтике дополнительно осложняли положение братства.

На юге, в землях земгалов и литовских объединений, походы не обеспечивали устойчивого подчинения. Противники могли отступать и вновь собирать силы. Лесные дороги, переправы и заболоченные участки затрудняли движение войска, особенно на обратном пути.

Исход кампании 1236 года определялся не только решениями командования, но и разнородным составом войска, состоянием путей отхода и сопротивлением противника. При реконструкции сражения следует учитывать, что подробности известны преимущественно из более позднего повествования.

В 1236 году орденское войско под руководством магистра Фольквина выступило в поход на юг. В нём участвовали братья-рыцари, а также прибывшие крестоносцы и вспомогательные силы. В историографии эта кампания связывается с действиями против литовских земель. Её подробный маршрут остаётся предметом обсуждения: источники не позволяют уверенно нанести все этапы движения на современную карту.

Главный повествовательный источник о походе — «Ливонская рифмованная хроника», составленная спустя десятилетия после событий. Она передаёт представления орденской среды о поражении, но её стихотворная форма и временная дистанция не позволяют воспринимать каждую подробность как непосредственное свидетельство очевидца.

На обратном пути войско встретило противника в местности, неудобной для конного боя и организованного отступления. Согласно хроникальному рассказу, среди участников возникли разногласия о дальнейшем движении и принятии сражения. Речи, приведённые хронистом, нельзя считать дословной записью совещания: они прошли литературную обработку.

Традиционная датировка битвы — 22 сентября 1236 года. Она занимает особое место в истории балтийских крестовых походов: поражение оказалось настолько тяжёлым, что изменило судьбу самого ордена. Численность обеих сторон, однако, и подробная последовательность столкновения остаются дискуссионными. (Mačiulis, Mintaurs, 2020, с. 109–142; Dubonis, 2009, с. 1–11).

Хроника сообщает о разгроме войска и гибели магистра Фольквина. Часто приводимое число сорок восемь погибших братьев-рыцарей относится к орденскому составу и не может служить подсчётом всех потерь: в походе участвовали также крестоносцы и вспомогательные отряды. Точную численность сторон источники установить не позволяют (Murray, 2013, с. 27–37; Jensen, 2025, с. 25–42).

Местность и трудности отступления существенно повлияли на ход сражения, но не исчерпывают причин поражения. Значение имели действия победивших сил, разнородность войска и его способность сохранять строй. Подробная последовательность столкновения не поддаётся надёжному восстановлению.

Победу при Сауле обычно связывают с литовскими, прежде всего жемайтскими, силами; земгалы участвовали в преследовании отступавших. Имя князя Выкинтаса встречается в позднейших реконструкциях, но «Ливонская рифмованная хроника» не называет его предводителем победителей. Поэтому утверждать, что именно он командовал войском, без оговорки нельзя (Dubonis, 2009, с. 1–11).

С гибелью Фольквина небольшое братство лишилось военного руководителя и представителя на переговорах о владениях и полномочиях. Кризис командования наступил в момент,

когда требовалось удерживать крепости и согласовывать дальнейшие действия с церковными властями.

После поражения орденские крепости, владения и обязательства не исчезли в одночасье. Однако утрата магистра и значительной части военного ядра резко ограничила возможности братства действовать самостоятельно. Военная катастрофа 1236 года и юридическое прекращение самостоятельного существования ордена в 1237 году — разные события.

Поражение ослабило способность меченосцев проводить самостоятельные наступательные кампании и поддерживать прежний уровень военного присутствия. Оно также показало пределы той модели, при которой сравнительно небольшое братство опиралось на периодически прибывавших крестоносцев и местные союзы.

Для противников ордена победа означала важный военный успех. Но она не привела к немедленному исчезновению латинской церковной и политической организации в Ливонии. В регионе сохранялись епископские владения, города и укрепления, а также интересы соседних государей. Вопрос заключался в том, какая структура сможет обеспечить дальнейшую защиту этих позиций.

В 1237 году оставшихся меченосцев включили в Тевтонский орден. Военные действия его ливонской ветви в последующие десятилетия относятся уже к истории иной организации, хотя часть людей, укреплений и территориальных интересов была унаследована от прежнего братства.

Папские документы 1237 года позволяют отделить военный итог поражения при Сауле от последовавшего правового решения. Они устанавливают порядок включения уцелевшего братства в Тевтонский орден, но не дают самостоятельного описания битвы (Mäesalu, 2016, с. 28–55; Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, т. I, № 149).

Глава одиннадцатая. Объединение с Тевтонским орденом в 1237 году

Поражение 1236 года стало для Ордена меченосцев не просто тяжёлой военной неудачей. Гибель магистра Фольквина и значительной части рыцарского ядра поставила под сомнение способность братства самостоятельно удерживать уже приобретённые позиции. Крепости и земельные права продолжали существовать, но их защита зависела от людей, которых нельзя было быстро заменить.

Положение осложнялось тем, что поражение изменило расчёты соседей. Местные общества, ранее вынужденные считаться с силой меченосцев, могли попытаться пересмотреть условия подчинения. Церковные владетели, купцы и союзники нуждались в гарантиях безопасности. В этих обстоятельствах объединение с более крупной организацией представлялось способом сохранить военную структуру и часть достигнутых результатов.

К 1230-м годам Тевтонский орден уже имел опыт военно-религиозной деятельности и укреплял свои позиции в Пруссии. В отличие от меченосцев, возникших как региональное братство для поддержки ливонской миссии, он обладал более широкой сетью связей, признанным положением в латинской церкви и собственной системой руководства.

Объединение облегчалось сходством монашеских обетов и военных задач двух орденов. Но из-за различий в руководстве, правовом положении и местных обязательствах присоединение меченосцев нельзя считать простой переменой названия.

Для Тевтонского ордена ливонское направление открывало новые возможности и одновременно создавало риски. Вместе с владениями он получал пограничные конфликты, отношения с рижскими епископами, споры с Данией и сложную систему местных союзов. Поэтому решение о принятии остатков братства было актом помощи потерпевшим поражение рыцарям, а также важным политическим выбором.

В 1237 году папа Григорий IX санкционировал включение меченосцев в Тевтонский орден. С этого времени братство утратило самостоятельность. Папское решение определяло организационную принадлежность, но само по себе не разрешало всех споров о землях, юрисдикции и обязательствах перед церковными властями.

Папский престол стремился поддержать христианские учреждения в Восточной Балтике и не допустить разрушения созданной церковной структуры. Однако Рим не осуществлял повседневное управление крепостями. Исполнение решения на местах зависело от магистров, братьев, епископов и тех, кто обеспечивал военную службу.

Прекращение самостоятельности меченосцев датируется 1237 годом, но практическая перестройка управления требовала времени. Смена орденской принадлежности не устранила прежних территориальных споров.

После объединения ливонские владения составили особую часть Тевтонского ордена. В историографии для неё широко используется название «Ливонский орден». Это обозначение удобно, но при работе с документами необходимо помнить, что речь идёт о ливонской ветви более крупной организации, а не о полном восстановлении независимого Ордена меченосцев.

Преемственность была заметна прежде всего в территории деятельности и в необходимости удерживать крепости, вести переговоры с епископами и взаимодействовать с местными общинами. Изменения касались высшего руководства и включения в более широкую орденскую структуру. Насколько быстро они затронули каждую местную должность, установить по сохранившимся источникам удаётся не всегда.

При изучении меченосцев важно не переносить на период до 1237 года устройство позднейшего Ливонского отделения Тевтонского ордена. Поздние уставы и административные

практики показывают последующее развитие, но не доказывают существование тех же порядков в раннем братстве.

С переходом ливонских владений под власть Тевтонского ордена связан Герман Балк, один из руководителей тевтонской экспансии в Пруссии и Ливонии. Его деятельность показывает, что объединение имело символическое, а также управленческое измерение: требовалось наладить отношения с местными братьями и определить порядок командования.

Герман Балк действовал как представитель более широкой орденской структуры, а не единоличный создатель нового порядка. Его роль следует оценивать с учётом папских распоряжений, решений руководства Тевтонского ордена и положения в Ливонии.

В первые годы после объединения прежние проблемы сохранялись. Смена орденского имени не разрешила споров о владениях, церковной юрисдикции и отношениях с соседними политическими силами. Поэтому история ливонской ветви Тевтонского ордена не может быть понята без истории её предшественника.

Одним из наиболее трудных наследств меченосцев оставалось соперничество за эстонские земли. Спор касался не только территориальных притязаний, но и права собирать доходы, назначать должностных лиц и осуществлять суд. После преобразования орденской организации эти вопросы пришлось решать уже её преемникам.

Стенсбийский договор от 7 июня 1238 года урегулировал спор о североэстонских владениях между датской короной и Тевтонским орденом. По соглашению Ревель и ряд областей Северной Эстонии возвращались Вальдемару II. Договор относится уже к истории ливонской ветви Тевтонского ордена, а не самостоятельного братства меченосцев.

Отношения с епископами также требовали постоянного согласования. Орденская военная сила и церковная юрисдикция продолжали сосуществовать в рамках сложной системы прав. Папские решения могли закреплять общие принципы, но их практическое применение зависело от политической обстановки и готовности сторон соблюдать договорённости.

После 1237 года Орден меченосцев перестал существовать как самостоятельное братство, но его деятельность оставила долговременные последствия. Сеть укреплений, опыт управления территориями и система отношений с местными обществами продолжали влиять на развитие региона. Поэтому историю меченосцев нельзя оценивать только по последней битве.

История меченосцев показывает, как учреждение, созданное для вооружённой поддержки миссии, превратилось в крупного участника территориальных споров. Установление власти требовало побед, а также признания прав, постоянного снабжения крепостей и соглашений с соседями.

Правовое оформление объединения 1237 года следует изучать прежде всего по папским актам и орденским документам. Хроники помогают понять обстоятельства военного кризиса, но не заменяют грамот, определявших подчинение и полномочия.

Глава двенадцатая. После меченосцев: наследие завоевания и историческая память

После 1237 года бывшие меченосцы, их владения и укрепления вошли в систему Тевтонского ордена. Преемственность имущества и части личного состава не означала сохранения самостоятельного братства. Управление ливонскими землями теперь зависело от общего орденского устройства, хотя местные военные и хозяйственные задачи во многом оставались прежними.

Ливонское подразделение Тевтонского ордена продолжало оборонять крепости, участвовать в походах и взаимодействовать с епископами. Однако его руководители действовали в рамках иной системы подчинения. Поэтому сведения о должностях, правилах и полномочиях второй половины XIII века нельзя без проверки переносить на Орден меченосцев, основанный в 1202 году.

Завоевания первой трети XIII века изменили политическую карту Восточной Балтики. Некоторые местные укрепления переходили под власть новых господ; одновременно возводились крепости, контролировавшие дороги, переправы и сбор доходов. Эта сеть возникала постепенно, а её назначение и состав менялись и после 1237 года.

Земельные соглашения между епископами и военными братьями имели последствия, выходившие далеко за пределы спора о долях. Они закрепляли представление о территории как об объекте распределения между учреждениями латинской церкви и военно-религиозной организации. Жители земель не исчезали из истории: их труд обеспечивал существование гарнизонов, а местные руководители участвовали в соглашениях, сопротивлении и повседневном управлении.

Подчинение области, которое хронист представлял завершённым событием, на практике могло открывать длительный спор о полномочиях. Сбор доходов, отправление суда и церковное управление не обязательно переходили к одному властителю одновременно.

Память о меченосцах складывалась в разных письменных традициях. Авторы, связанные с латинской миссией, рассматривали походы прежде всего в связи с распространением христианства; русские летописцы уделяли внимание судьбам князей, городов и столкновениям на западных рубежах. Современные исследования добавляют к этому свидетельства о положении местных обществ, чьи интересы не всегда представлены в хрониках непосредственно.

Различия в оценках не следует устранять искусственным выбором единственной «правильной» точки зрения. Гораздо полезнее установить, какие события описывает каждый источник, о чём он умалчивает и какие ценности определяют его язык. Так, слово «обращение» может описывать религиозный акт, но не раскрывать условий, в которых он происходил. А слово «покорение» фиксирует изменение власти, не объясняя само по себе ни судьбы общин, ни устойчивости нового порядка.

Понятия колонизации, религиозного принуждения и культурного взаимодействия помогают исследовать балтийские крестовые походы лишь тогда, когда их значение определено применительно к конкретным событиям. Военное насилие и неравенство сил не исключали переговоров, союзов и самостоятельных решений местных правителей и общин. Эти стороны истории следует рассматривать совместно.

История меченосцев охватывает немногим более трёх десятилетий: братство возникло в 1202 году, расширило свои владения в ходе балтийских походов, потерпело поражение при Сауле в 1236 году и уже в следующем году лишилось самостоятельности. За этой краткой хронологией стояли перемены в отношениях между церковными властями, рыцарями, городами и местными обществами.

Военные успехи братства зависели от прибывавших крестоносцев, церковной поддержки, местных союзников и доходов с подвластных земель. Те же связи ограничивали свободу действий братства. Расширение владений требовало новых гарнизонов и расходов, а также обостряло споры с епископами, датской короной и соседними княжествами.

Поражение при Сауле ускорило кризис, но не было его единственной причиной. Недостаток людей и необходимость удерживать разрозненные владения делали самостоятельное существование братства всё более трудным. Присоединение к Тевтонскому ордену стало организационным выходом из этого положения и изменило правовой статус ливонских рыцарей.

Для ранней истории Ливонии главным повествовательным источником остаётся хроника Генриха Латвийского. Более поздняя «Ливонская рифмованная хроника» требует учёта времени создания и литературного жанра. Папские грамоты раскрывают правовую сторону конфликтов, а русские летописи позволяют сопоставить отдельные события с иной традицией их описания. Эти свидетельства дополняют друг друга, но не всегда совпадают в оценках.

Особенно опасно превращать пересказ хрониста в дословную речь исторического деятеля. Даже когда средневековый автор приводит слова участников, их точная форма может зависеть от литературных приёмов. В научно-популярном тексте важно различать подлинную цитату из опубликованного источника, перевод, пересказ и авторскую реконструкцию. При отсутствии возможности проверить конкретное место лучше отказаться от кавычек, чем создавать видимость документальной точности.

Глава тринадцатая. Орден на войне и в повседневной жизни

Хроники сообщают об участии магистров в походах и об обстоятельствах их гибели, но редко раскрывают повседневный порядок принятия решений. Поэтому историю руководства меченосцев приходится восстанавливать по отдельным эпизодам, сопоставляя повествовательные свидетельства с грамотами и сведениями о деятельности братства.

В вопросе о преемственности магистров важно учитывать варианты передачи имён в латинских и немецких текстах. Венно (Winno), упоминаемый в ранних свидетельствах, и Винно в отдельных русскоязычных работах — одно лицо. Далее речь идёт не о формальной смене названия должности, а о постепенном изменении задач руководителя: от организации небольшого братства к командованию силами, действовавшими на нескольких направлениях.

В годы руководства Венно братство только складывалось. Оно выстраивало отношения с рижским епископом, организовывало постоянную охрану укреплений и искало средства для содержания вооружённых братьев. Источники позволяют очертить эти задачи, но не дают оснований приписывать магистру подробный личный план преобразований.

Постоянное военное присутствие отличало меченосцев от участников сезонных крестовых походов. Братья не покидали Ливонию после завершения очередной экспедиции: они охраняли укрепления, участвовали в переговорах и обеспечивали исполнение соглашений. Магистр руководил внутренней жизнью братства, но разграничение его полномочий с властью епископа оставалось предметом договорённостей и конфликтов.

По сообщению Генриха Латвийского, Венно был убит в Риге в 1209 году. Это свидетельство указывает на внутренний конфликт, но по одному эпизоду нельзя судить о дисциплине всего братства или о характере отношений между всеми его членами.

Преемником Венно стал Фольквин (Волквин). Его магистерство пришлось на расширение орденских владений и обострение споров с другими властями Восточной Балтики. По мере роста территории руководителю приходилось уделять всё больше внимания походам, а также обороне крепостей, снабжению и переговорам.

Военные успехи этого времени нельзя объяснять исключительно личными качествами магистра. За ними стояли сеть укреплений, участие прибывавших крестоносцев, союзы с местными обществами и сложная система снабжения. Магистр координировал эти силы в походах и отстаивал интересы ордена на переговорах.

К 1230-м годам меченосцы владели землями, участвовали в спорах о правах на Эстонию и находились в напряжённых отношениях с рядом церковных и светских властей. Магистр оказывался военачальником, а также политическим представителем организации, самостоятельность которой постоянно требовала юридического обоснования.

Фольквин погиб в битве при Сауле в 1236 году. Поражение выявило нехватку людей для обороны разрозненных орденских владений. Причины последующего присоединения к Тевтонскому ордену не исчерпывались исходом одного сражения.

Сведения о частной жизни Венно и Фольквина крайне ограниченны. Их внешность, привычки и личные мотивы невозможно достоверно восстановить по сохранившимся источникам. Оценка деятельности магистров должна опираться прежде всего на засвидетельствованные решения и события.

В средневековой Ливонии дороги не составляли единой благоустроенной сети. Передвижение от одного укреплённого пункта к другому могло требовать переправ, обхода заболоченных участков и поиска продовольствия. Проводники и местные отряды помогали преодолевать

такие трудности. В хрониках их роль нередко остаётся в тени повествования о рыцарях, но без этой поддержки крупная экспедиция была бы значительно сложнее.

Замерзавшие реки и озёра иногда облегчали зимние переходы, но холод осложнял снабжение людей и содержание коней. Исход похода зависел не только от времени года, но и от конкретных условий.

Конный воин в защитном снаряжении был важным элементом западноевропейского войска. Его подготовка, оружие и конь требовали значительных расходов. Но сводить победы небольших рыцарских отрядов к одному сокрушительному удару было бы неверно: войны в Прибалтике складывались гораздо сложнее.

В густом лесу, на узкой переправе или возле деревянного укрепления конница не могла действовать так же свободно, как на открытой равнине. В подобных обстоятельствах возрастало значение пеших воинов, стрелков и тех, кто обеспечивал подход к неприятельской позиции. Хроникальные сведения об осадах и внезапных нападениях показывают разнообразие форм борьбы.

Кроме братьев ордена, в походах участвовали приезжие крестоносцы, люди епископа, городские силы и местные союзники. Их вооружение и опыт различались. Поэтому войско меченосцев правильнее понимать как объединение нескольких военных компонентов, а не как исключительно рыцарский отряд.

Меч, копьё и щит стали привычными символами средневекового рыцаря, но вооружение братьев ордена не было одинаковым: его состав зависел от задачи и материальных возможностей воина. Для начала XIII века характерны прежде всего кольчужные элементы защиты и шлемы разных форм, а не позднесредневековые сплошные латы. Реконструировать снаряжение позволяют сопоставление хроник, изображений и археологических находок с учётом датировки каждого свидетельства.

Оружие требовало постоянного ухода. Повреждённый ремень, изношенное седло или недостаток запасных наконечников могли сказаться на исходе похода. Источники редко рассказывают о таких подробностях, но они помогают объяснить зависимость военной организации от мастерских, поставок и хозяйственных доходов.

Укреплённые поселения занимали важное место в военной истории Восточной Балтики. Их оборонительные сооружения могли включать валы, рвы, деревянные стены и защищённые подходы. Чтобы овладеть таким пунктом, недостаточно было одержать победу над отрядом противника: требовалось преодолеть укрепления и выдержать сопротивление защитников.

У Генриха Латвийского встречаются описания осад, в которых применялись различные средства разрушения укреплений и прикрытия нападающих. Эти рассказы необходимо анализировать по отдельности: сведения об одном сооружении не позволяют автоматически приписывать одинаковую технику всем походам меченосцев.

Осада требовала времени, рабочих рук и запасов. Нападавшие могли испытывать недостаток продовольствия, а защитники — воды и возможности пополнять припасы. Переговоры о сдаче, обмен заложниками или обещание безопасности нередко становились частью военного решения. Поэтому осадная война соединяла технические действия и политический расчёт.

Для небольших сил особое значение имели сведения о противнике. Важным было знать, где находится враждебный отряд, насколько укреплено поселение, доступны ли переправы и не готовится ли нападение на союзников. Такие сведения могли поступать от местных жителей, купцов, посланцев и участников разведывательных вылазок.

Внезапность позволяла уменьшить преимущества более многочисленного противника, но она же повышала риск для отряда, уходившего далеко от опорных пунктов. При неудаче отступление через незнакомую местность могло оказаться опаснее самого столкновения. Это обстоятельство особенно важно при объяснении поражений, которые позднейшие авторы иногда сводили к личным ошибкам полководцев.

Союзные общины не были лишь вспомогательной силой без собственных целей. Их руководители могли участвовать в походе ради защиты своих земель, получения добычи или ослабления давнего соперника. Поэтому состав коалиции влиял на численность войска, а также на выбор направления действий.

Средневековые военные походы сопровождались захватом имущества и людей. Хроники упоминают добычу, пленников и разорение поселений. Эти сведения нужно учитывать без романтизации насилия и без предположения, будто все участники действовали по одинаковым правилам.

Добыча могла служить вознаграждением участникам похода и способом ослабить противника. Но постоянное содержание гарнизонов невозможно было строить только на разовых захватах. Поэтому орден стремился к устойчивым земельным доходам и закреплению прав над территориями.

Для населения повторяющиеся походы означали угрозу хозяйству и безопасности. Разрушение укрепления или потеря запасов могли иметь последствия, продолжавшиеся намного дольше самого сражения. Военная история меченосцев должна учитывать эту сторону событий наряду с действиями командиров.

Битва при Сауле в 1236 году показывает, насколько опасно объяснять исход средневекового сражения одним фактором. На результат могли влиять местность, состояние войска, действия союзников и особенности отступления. Точная локализация поля боя и отдельные детали хода столкновения остаются предметом исследования.

После разгрома погиб магистр Фольквин, а самостоятельное существование братства вскоре завершилось. Но поражение не означает, что все прежние военные методы были неэффективны. Орден сумел удерживать крепости и участвовать в многочисленных походах более трёх десятилетий. Катастрофа выявила пределы его возможностей в конкретной ситуации и ускорила уже назревшее организационное решение.

Для оценки военного искусства меченосцев важно соединять рассказ о победах и поражениях с изучением снабжения, союзов, укреплений и политических задач. Тогда перед нами возникает не легенда о непобедимых рыцарях, а история военной организации, которая действовала в сложной среде и постоянно зависела от ресурсов и людей.

Удержание завоёванных земель требовало постоянных расходов. Гарнизонам были нужны продовольствие, кони, ремонт оружия и укреплений. Поэтому возможности ордена зависели от числа братьев, а также от устойчивости местного хозяйства и путей сообщения.

Интересы рижских купцов и военного братства пересекались, но не совпадали полностью. Купцам требовались безопасные маршруты и предсказуемые условия обмена; очередной поход мог нарушить торговлю даже тогда, когда его участники рассчитывали укрепить своё положение.

Западная Двина связывала Ригу с Полоцком и другими центрами восточноевропейской торговли. Контроль над отдельными укреплениями позволял влиять на движение по реке, но не давал возможности безусловно распоряжаться всей торговлей.

Сообщения Генриха Латвийского о торговых путях и передвижении по рекам важны для понимания хозяйственной стороны конфликта. Хроника не содержит систематических сведений об объёмах торговли, ценах и доходах; такие показатели нельзя выводить из отдельных эпизодов.

Замки у путей сообщения служили опорными пунктами обороны и местами контроля над движением людей и товаров. Их действительная власть зависела от гарнизона, снабжения и отношений с окружающими общинами, а не только от наличия укреплений.

Расширение владений увеличивало потенциальные доходы, а также расходы на оборону. К 1230-м годам необходимость удерживать удалённые территории стала одной из причин уязвимости ордена.

Включение меченосцев в Тевтонский орден в 1237 году изменило организационную принадлежность ливонских владений. Для повседневной жизни населения это не означало немедленной смены всех порядков: местные способы сбора доходов, снабжения гарнизонов и взаимодействия с общинами сохраняли значение, хотя теперь действовали в рамках иной структуры подчинения.

Состояние дорог и речных переправ, доступность продовольствия и способность содержать гарнизоны ограничивали выбор направлений наступления. Поэтому при оценке отдельного похода необходимо учитывать не только численность участников, но и возможность снабжать отряды после завершения кампании.

Включение меченосцев в Тевтонский орден не уничтожило сложившиеся в Ливонии отношения между военной властью, епископами и городскими общинами. Новое название и новая иерархия изменили порядок подчинения рыцарей, но сами причины местных споров остались прежними. За правом владеть крепостью следовал вопрос о доходах с прилегающих земель, за правом назначать должностных лиц — вопрос о судебной власти, за обязанностью защищать территорию — требование содержать вооружённые силы. Поэтому последствия 1237 года следует искать в документах о соединении орденов, а также в длительной истории управления пограничным обществом.

Меченосцы привыкли действовать в обстановке, где поход был одновременно военным предприятием и способом изменить правовой статус земли. Завоевание крепости могло привести к требованию дани, заключению соглашения о крещении или перераспределению владений. Каждое такое изменение, впрочем, требовало признания со стороны других участников ливонской политики. Военная победа сама по себе не заменяла ни церковного подтверждения, ни местного соглашения.

Именно здесь особенно заметно различие между учреждением и людьми, служившими в нём. Часть воинов, управляющих и священнослужителей продолжала действовать в привычной среде, хотя организационная рамка изменилась. Их знания дорог, крепостей, местных переговорных традиций и прежних конфликтов сохраняли значение. Историческая преемственность не сводилась к сохранению символики: она проявлялась в повседневных решениях.

Нередко история крестовых походов представляется как противостояние двух заранее определённых лагерей. Для Ливонии такая схема слишком проста. На разных этапах одни и те же общины могли вести переговоры, платить дань, участвовать в совместных походах или сопротивляться новым требованиям. Взаимодействие не ограничивалось сражениями. Оно включало торговлю, брачные связи, обмен заложниками, посредничество и споры о праве.

Обращаясь к свидетельствам Генриха Латвийского, нужно учитывать, что его хроника заканчивается событиями 1227 года. Она не может служить непосредственным свидетельством ни битвы при Сауле, ни административных решений 1237 года. Для более позднего периода необходимы иные материалы: грамоты, документальные собрания, русские летописные сообщения и «Ливонская рифмованная хроника», созданная значительно позднее описываемых событий.

Различия между этими источниками объясняются не только тем, что авторы занимали разные стороны конфликта. Различались сами задачи текстов. Летописец отбирал события, значимые для его политической и религиозной среды. Автор рифмованной хроники создавал повествование, рассчитанное на запоминание и публичное восприятие. Составитель грамоты стремился юридически закрепить определённое решение. Поэтому молчание одного источника о событии ещё не опровергает сообщение другого.

Стенсбийский договор 1238 года стал ключевым документом в истории отношений Ливонии и датской короны. Он был заключён уже после прекращения самостоятельного существования меченосцев и показывает, насколько важными оставались споры о североэстонских владениях. Рассматривать этот договор как простой итог военной кампании было бы недоста-

точно: он отражал стремление сторон установить порядок там, где прежние притязания оказались несовместимыми.

Одновременно соглашение между крупными политическими силами не позволяет автоматически восстановить позицию населения спорных земель. У жителей городищ, сельских общин и торговых поселений могли быть собственные ожидания и опасения. Их голоса редко звучат в дипломатических документах непосредственно. До нас дошли прежде всего решения тех, кто располагал возможностью оформлять договоры письменно.

Значение крепости определялось также тем, кто распоряжался её доходами и назначал ответственных за сбор повинностей. Поэтому спор об укреплённом пункте нередко затрагивал не только военную безопасность, но и распределение прав между орденом, епископом и местными общинами.

Сообщение между укреплениями было частью управления завоёванными землями. Задержка посланца могла осложнить согласование действий гарнизонов, а отсутствие своевременных известий — помешать сбору союзных сил. Сеть дорог и переправ связывала разрозненные опорные пункты в единую, хотя и не всегда устойчивую, систему.

Для оценки военного потенциала меченосцев важно не переносить на XIII век представления о постоянной армии нового времени. Военное братство обладало ядром подготовленных бойцов, но крупные действия требовали участия иных сил. В походах могли участвовать приезжие крестоносцы и местные союзники. Их интересы, сроки службы и обязательства не всегда совпадали. Поэтому число братьев ордена нельзя механически приравнивать к численности всего войска.

Точно так же нельзя считать неизменными границы владений. Средневековая власть могла быть прочной в одном укреплённом центре и гораздо слабее в удалённой округе. Дань, заложники и договоры свидетельствовали о признании определённых обязательств, но не обязательно о непрерывном административном контроле. Карта с ровной линией границы способна скрыть эту подвижность.

Правовой язык источников нуждается в особой осторожности. Когда документ говорит о передаче земли, следует выяснить, имелись ли в виду все формы власти над ней или лишь определённые доходы и права. Когда хронист сообщает о покорении области, нужно спросить, означало ли это занятие всех её поселений. Подобные уточнения не уменьшают значение побед и договоров, а позволяют точнее определить их содержание.

Не менее существенна проблема личной власти. Магистр был важной фигурой, но не единственным лицом, принимавшим решения. Он зависел от орденских братьев, от возможностей гарнизонов и от отношений с духовными и светскими союзниками. Гибель руководителя могла вызвать серьёзный кризис, но устойчивость организации определялась также наличием процедур преемственности и материальных ресурсов.

Поражение при Сауле обнаружило пределы прежней модели. После гибели Фольквина и значительной части участников похода вопрос стоял не только о выборе нового руководителя. Требовалось сохранить оборону владений, восстановить авторитет и обеспечить поддержку извне. Присоединение к Тевтонскому ордену стало институциональным ответом на эти задачи, хотя не устранило всех местных противоречий.

При описании этого перехода важно различать юридическое прекращение самостоятельного братства и сохранение его исторического влияния. Первое относится к устройству орденской организации. Второе проявляется в территории, крепостях, практиках управления и политических конфликтах, которые продолжали существовать после 1237 года. Поэтому история меченосцев не заканчивается одной датой.

Русские летописные свидетельства о событиях на западных рубежах важны для сопоставления точек зрения. Но и они требуют внимательного чтения: летописный рассказ создавался в собственной политической и церковной традиции, а сохранившиеся списки могли быть пере-

писаны позднее. Сообщения о Пскове и Новгороде нельзя без дополнительной проверки превращать в универсальное описание отношений всех русских земель с Ливонией.

Историческое исследование выигрывает там, где не пытается подменить сложную картину простым приговором. Войны и принуждение были существенной частью продвижения крестоносцев; одновременно регион жил торговлей, дипломатией и повседневными отношениями между соседями. Признание этой сложности позволяет объяснить и быстрые успехи меченосцев, и уязвимость созданного ими порядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.